

МАГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВА В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

(на материале эвенского и якутского языков)

MAGIC FUNCTION OF THE WORD IN TRADITIONAL CULTURES (Based on the Even and Yakut languages)

*A. Vinokurova
I. Pavlova*

Annotation

Magic function of language in archaic cultures due mythological beliefs of the people, inspired the entire world around. In the traditional culture of the word to have magic power. As a result, there is a whole system of prohibitions, taboos, regulating the life of man in ancient times. It should be noted that this is a universal phenomenon: widely known in the Yakut and Even cultures taboo on names of animals that are hunted (a vivid example – nomination bear).

Keywords: language world, vocabulary, category, semantics, taboo, euphemism.

Винокурова Антонина Афанасьевна

*К.фил.н., доцент кафедры северной филологии
Института языков и культур народов северо-востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

Павлова Ирина Петровна

*К.фил.н., доцент, заведующий, доцент кафедры
общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

Аннотация

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. В традиционных культурах слову приписывается магическая сила. В результате возникает целая система запретов–табу, регламентировавших жизнь человека в древности. Необходимо отметить, что это явление универсальное: широко известны в якутском и эвенском культурах табу на имена животных, которые являются предметом охоты (яркий пример – номинации медведя).

Ключевые слова:

Языковая картина мира, лексика, номинация, семантика, табу, эвфемизм.

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. Предметы и явления природы наделяются сверхъестественными свойствами. В традиционных культурах слову приписывается магическая сила, существовали многочисленные приметы и запреты, касающиеся речевой коммуникации.

Так, якуты, одухотворяя всю окружающую их живую и неживую природу, "приписывали ей разум, сознание и даже способность переговариваться между собой. Согласно такому представлению, стоило лишь что-нибудь высказать вслух, эта весть разносилась по всему свету" [6]. В.Л.Сорошевский приводит такой факт, что ребенок с малых лет "понимает говор огня, пение птиц, язык животных, предметов и духов... Узнавши человеческий говор, теряет этот дар" [13]. Мифологическое освоение окружающего мира якутами достигло того уровня, что в нем человек уже отделен от природы и познает ее, но при этом одухотворяет.

Даже такое абстрактное понятие, как слово, имеет свой дух. В.Л.Сорошевский отметил, что якуты говорят: Тыл дороонноох, тыл иччилээх буолар. "Слово бывает

звучным, слово имеет иччи (дух-хозяина)" [13]. Сказанное, слово превращается в вещь птицу, которая летит по назначению и передает его первоначальное значение.

Отражением древних воззрений этноса саха на магическую силу слова явилась также пословица: Алгыс баһа арыылаах, кырыыс баһа хааннаах. "Принцип благословения с маслом, принцип проклятья кровавый" [15]. В сказках говорилось, что слово, превратившись в молодого жеребца, летит в верхний мир распространять по всем небесам сказанное богатырями среднего мира, а в нижний мир спускается в образе ярого порога [4].

В древности люди полагали, что слова будут услышаны природой или духами и возымеют воздействие на них. Существует множество якутских пословиц, которые регулируют процесс коммуникации, предписывая определенные правила речевого поведения и этикета в форме запретов и советов. Поэтому в старину каждое слово произносилось с большой осторожностью: Эппит тыллаагар эппэтэх тыл ордук. "Несказанное слово лучше сказанного"; Этиллибит тыл иһиллибэт буолбат. "Сказанное слово не бывает не услышанным", то есть и секретное слово не остается не распространенным [4].

Поскольку каждое слово имело собственную "жизнь",

якуты делили слова, как и свои божества, на добрые и злые, опасные и тяжелые.

Проклинания могут убить человека. И.А.Худяков пишет, что вообще "худые речи прилипчивы", и проклятие, если не исполняется на самих проклятых, то доходит до их детей" [15]. Мы видим общие сквозные идеи, пронизывающие древние верования, их объединяет одно – возвеличивание Слова, Логоса.

"Тяжелые" слова старались не произносить без особой необходимости. Страх перед ними передается в якутском суеверном табу "Быһа этимэ". Прежде чем расшифровать смысл выражения "Быһа этимэ", обратимся к значению слова быһа. Быһа – это через, поперек, прямо, наотрез; быһа ас – пересекать; быһа эт – перебивать (слова других); определительно сказать; быһа этимэ – не накличь беды, не сглазь!; быһа эттэххэ – сказать наотрез, коротко сказать, так сказать; быһа бар – проходить через что, переходить за что, идти напрямки, перерваться, разорваться; быһа оус – перерезать чем, срезать, перерубать, отрубать, отсекают, убивать; быһа хаам – ступать, переходить, перешагивать через что [7]. Значение этой номинации проявляется в полной мере именно тогда, когда слово входит в состав различных идиоматических выражений: быһа эт, быһа этимэ, быһа эттэххэ, быһа огус, быһа хаам и других. Также богата и мифологическая семантика слова быһа. Так, в древности якут не имел права перейти дорогу старшему (быһа хаампат). Чтобы не обидеть духа-хозяина местности, он не должен был называть собственные "тяжелые" названия озер и рек, где он проживал (быһа ааттаабат). "Быһа этимэ" по-якутски имеет смысл, будто бы над головой говорящего висит вся убийственная, зловерная сила "опасного" слова и говорящий, будто бы своей неосторожностью, как ножницами, срезает эту роковую нить" [6]. Якуты говорят: "Быһа этэн кэбиспит, сэттээхтик" – это о человеке, который вслух и при посторонних неосторожно мечтал о будущем своем благополучии и удаче, а затем потерпел неудачу в этих своих надеждах, говорят, что он "прорек не к спеху" [6]. Как указывает А.Е.Кулаковский, смысл этого изречения тот, что неудача последовала именно вследствие "сэт", последовавшего от неуместного пререкания. Поэтому якуты никогда наперед не высказывают своих надежд насчет будущего благополучия или удачи, в особенности, если дело касается предстоящей охоты или путешествия, они боятся "сэт" [4].

Именно только через такое представление, "слову с древних времен почти до сегодняшнего дня придана роль посредника между людьми и любимыми божествами, как добрыми, так и злыми. Древний заклинатель, современный молящийся или в гневном возбуждении кого-то проклинаящий одинаково верили в то, что каждое слово "дойдет" или "долетит" до необходимого ему адреса" [6]. И если, скажем, случится какое-нибудь несчастье или горе, то это приписывали, прежде всего, слову: Тыллаах эппи-

тин, кырыыстаах кыраабытын курдук.."Стало так, как говорящий говорил, и как клянувшийся клял" [4].

В результате всего вышеупомянутого возникает целая система запретов-табу, регламентировавших жизнь человека в древности. Необходимо отметить, что это явление универсальное, характерное для традиционных культур. Широко известны в якутском языке охотничьи табу на имена животных, которые являются предметом охоты. Во всех языках табуируются слова, связанные со смертью, особенно, смертью вождя, или старшего и почитаемого человека.

Опасность, которой в данном случае люди подвергаются сами и подвергают других, так сказать "духовного", то есть воображаемого порядка. Но это не делает ее менее реальной: воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести, и может убить его с таким же успехом. Цель табу – изолирование указанных категорий лиц от всего остального мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность. Слова временно или постоянно оказываются заряженными, наэлектризованными таинственной силой табу.

Боязнь опасных слов постепенно приводит к появлению особого эвфемистического словаря, то есть словаря разрешенных замененных слов. В некоторых районах Якутии, например, в Вилюйском, отдельные старики все еще помнят старинный эвфемистический словарь охотников. Опасаясь "болтовни" чрезмерно словоохотливой окружающей природы, на промысле охотник прибегал к помощи такого условного языка.

Ярким примером табуирования являются номинации медведя. В.Л.Серошевский, живший в Якутии около 12 лет, побывавший во многих местах, в том числе в северных и центральных округах, подметил употребление слов-табу якутами: "На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко его имени всуе, его имя "дед", эссе, но имя это нехорошее, и зверь на него сердится, ввиду этого зовут его "кок", или просто "черный"; часто потихоньку зовут его "злым лесным духом", а то даже "Улу-тоеном" [13]. Для объяснения причины появления эвфемизмов В.Л.Серошевский приводит слова якута-колымчанина: "О медведе не говори худо, не хвастайся: он все слышит, хотя не близко находится, все помнит и не прощает" [13].

Якуты считали медведя одним из самых опасных зверей. В.М.Ионов писал: "Ээ "медведь" – название как вида, так и медведя-самца. При обращении к нему говорят "ээ" /дедушка/, медведицу при обращении называют эбэ "бабушка". Потому можно подумать, что ээ – название, употребляемое из бережи /харыстаан/, из предосторожности, а настоящее название медведя забыто" [3]. Ээ – название самого почетного человека в семье – дедушки. А.Е.Кулаковский также предполагал, что настоящее

название медведя или вовсе забыто, или кроется в одном из трех названий: аабый, талкы, хохтуула [4].

Об общности культа медведя у народов Сибири пишет А.А.Петров: "Наделяя медведя душой, считая его существом, близким человеку, эвены признавали за ним способность понимать язык всех зверей и язык людей, Нельзя, опасно говорить неблагоприятно о медведе или хвастаться удачной охотой на него. Подобное же представление, что медведь слышит и понимает человеческую речь, отмечено у эвенков, нганасанов, алтайцев, юкагиров" [8].

Медведь входил в число тотемных животных. Согласно мифологическим представлениям якутов, в качестве названий тотемических животных часто употреблялись термины родства. В старину якутские роды считали своим предком какой-либо вид животных. Так, В.М.Ионов пишет: "Каждая семья, в более широком смысле этого слова ийэ ууа /род матери/, имела своего родового таара /покровителя/ или трут /основу, корень/" [3]. бгэ, мгэ "предок" – это эвфемизм, употребляемый вилюйскими якутами [ДСЯЯ: 191]. Такое название медведя связано с тотемическими представлениями якутов, согласно которым "медведь – полумифическое существо, которое произошло от женщины" [16]. Мифы и легенды уверяют, что медведь в древности был человеком. Г.Эргис упоминает легенду о том, что однажды братья охотники убили медведицу, а когда сняли с нее шкуру, то на ней оказалось кольцо, а на ногах – серебряные вещи их сестры, убежавшей от них 8 лет тому назад [16]. В другом варианте говорится, что на Колыме были сестры эмерячки-кликуши. Одна из них превратилась в гагару и улетела, с тех пор люди не едят гагар. Другая стала рычать по-медвежьи и тоже однажды исчезла. Через несколько лет в тайге появилось много медвежьих следов. Братья считали, что это их сестра наплодила медведей. И гагара, и медведь – это тотемы.

Исследователи приводят и другие легенды, рассказывающие о родстве человека с медведем. В одной из них также говорится, что когда-то медведь был женщиной. Женщина эта, рассорившись с мужем, спряталась в погреб и целый месяц не выходила. За это время тело ее поросло волосами, а ногти на ногах и руках превратились в когти. Потом она ушла в лес и стала совсем медведем [9].

В другой легенде утверждается, что "в первую медведицу превратилась женщина, родившая двух медвежат" [4]. В народе существует поверье, что медведь не трогает женщин, которые при встрече с ним показывают ему свои груди, тогда, мол, зверь вспоминает свою мать-женщину и сам уходит [16].

По традиционным представлениям якутов, медведица, с которой содрали шкуру, поразительно похожа на обна-

женную женщину. Кроме того, якуты указывают на след медведя и на то, что медведь может ходить на задних лапах, как на черты сходства с человеком. Вероятно, это и послужило основой возникновения упомянутых легенд, а также и эвфемизма бгэ "предок".

Еще медведя называют абаБа "дядя по отцу" [ДСЯЯ: 39], эбэ "бабушка" [15]. Это также термины родства, называющие лиц старшего поколения. Так на языковом материале проявляется оппозиция "предки–потомки", уходящая корнями в тотемические представления народа. Как отмечает Л.П.Потапов: "Медведя нельзя называть по имени. Его всегда называют условно. Просматривая эти условные названия, легко убедиться, что почти все они идут по родственной линии, как женской – материнской, так и мужской – отцовской. Алтайцы называют медведя "абага" – "дядя по отцу"; тубалары говорят: "ол" – "он" или "апшак" – "старик"; каларцы (род): "аба" – "прадед", "улу кижиги" – "великий человек"; телеуты: "mal" – "дядя по матери", "абагал" – "дядя по отцу"; шорцы: "tal" – "дядя по матери", "улда" – "отцов старший брат", "адалык" – "почтенный" [10]. Подобные эвфемизмы распространены и в других тюркских языках, как в древних, так и в современных. Так, "в древнетюркском языке как название медведя использовался термин ава, который, вероятно, функционировал в качестве эвфемизма для табуированного названия этого зверя" [17].

Слова-запреты употребляются больше всего вместо названий опасных зверей или зверей, дающих ценные продукты. А медведь был и опасен, и давал много вкусного мяса, добротную шкуру и народные лекарства (желчь, сало). Древний же якут шел на промысел, имея довольно примитивные орудия охоты, такие как пальма, пика. Поэтому и вызывает промысел медведя столь много запретов и ритуалов. Так, убивать медведя в берлоге сонного считается грехом: тогда другие медведи съедят самого охотника тоже во сне. Поэтому охотник обязательно будит зверя и уже потом вступает с ним в бой. Этот обычай держится крепко и теперь. Есть еще поверье, что "между медведями бывает медвежий "шаман", отличающийся от своих собратьев умом, неуязвимостью, пегой шкурой, гривой и хвостом. Не было случая, чтобы его убивали. Он, обыкновенно, встречается со знаменитым охотником, истребившим на своем веку сотни медведей, следовательно, с дозревшим "сэт". Эта встреча бывает роковая для охотника" [4]. Большой черный медведь, очень свирепый и крожадный, наводил ужас на якутов. Они называют его "царем роц и лесов" [13]. И.А.Худяков подробно описывает промысел на медведя, все обряды, совершаемые охотниками после смерти зверя [15]. Обычаи сравнивают промысел медведя с опасной, рискованной войной против сильнейшего и храбрейшего не приятеля, который, даже проиграв битву, достаивается почетного погребения. Великая война с медведями отмечена в народных преданиях множеством различных сказаний. Бытует и сейчас множество рассказов про медвежий ум и

благородство, а также хитрость и кровожадность. Такие рассказы большей частью бывают основаны на реальных случаях и по характеру своему более или менее реалистичны. И.А.Худяков отмечал, что люди, шедшие на промысел медведя, убежденные, что медведи мстят друг за друга и понимают по-якутски, крайне нуждались в нравственной и в практической реальной поддержке для подкрепления своей бодрости в борьбе с таким страшным неприятелем. Потому, отправляясь на охоту, промышленники молятся духам глубоких текучих вод, шаман просит, чтобы охотники вернулись невредимыми после охоты на медведя. Также "промышленники говорят уже особым языком, отличным от обыденного" [15].

В эвфемистическом словаре якутского языка медведь имеет свыше 50-ти подставных имен. Медведю дано много кличек: арахтаа "с берлогой", кини "он", моус "прожорливый", тыатааы "таежный", хара "черный" хараа тлэх "с черной шерстью" и другие. В обозначении животного выделяется несколько тематических групп эвфемизмов. Все эвфемизмы медведя можно условно разделить на 5 групп, образующих своего рода микросистемы. Одной из самых многочисленных является микрогруппа, объединенная общим семантическим признаком – старший по возрасту, почитаемый. Здесь обратим внимание на замещение названия медведя терминами родства: ээ "дедушка" – современное название медведя в литературном языке [ЯРС: 548]; эбэ "бабушка" [15]; абаа "дядя по отцу" [ДСЯЯ: 39]; бгэ "предок" [ДСЯЯ: 191]. К ним примыкают слова кырдыаас "старец" [ЯРСТОП: 71] и кини "он" [ЯРСТОП: 51]. В номинациях выражается уважительное отношение к зверю, значение субститутов тесно связано с понятием мудрости, присущей обычно пожилым людям, обладающим большим жизненным опытом. Вызывает интерес противопоставление вторичных номинаций медведя, которые дифференцируют названия животного по возрасту: нгэс "малолеток" и оонньор "старик" [ЯРСТОП: 166, 99].

Следующая тематическая группа эвфемизмов указывает на особенности животного, характеризующие его по признаку силы и могущества: сыран "страшный" [ДСЯЯ: 22], моус "обжора" [ДСЯЯ: 160], чыйыдаах (страшный, от междометия "чыый!", показывающего испуг) [ДСЯЯ: 304], анаастаах "клыкастый" [ЯРСТОП: 4]. Медведь производил на якутов впечатление сильного кровожадного зверя, который в густой чаще якутских лесов чувствовал себя полноправным хозяином. Испытывая суеверный страх перед могуществом медведя, люди называли его эвфемизмами, в основе которых лежит сходство ассоциаций и впечатлений. В связи со сказанным можно отметить тот факт, что часто по отношению к медведю якуты употребляют сочетания адыра кыыл, ыырык сиэмэх улахан кыыл "страшный хищный кровожадный большой зверь". Из рассматриваемых в данной группе эвфемизмов интерес представляет вторичная номинация моус "обжора, ненасытный". В словаре Э.К.Пе-

карского приведены различные фонетические варианты слова моус – моус, маыс, маыс [П: 1527]. В якутском языке моус кии – прожорливый человек, обжора [ЯРС: 240], в этом же словаре указывается значение моус "герой якутских сказок, сильный, прожорливый и очень глупый" [там же]. Э.К.Пекарский представляет следующие значения этого слова: 1) "ненасытный, жадный, обжора"; 2) "едун, действующее лицо в сказке"; 3) название двух родов [П: 1527]. Он полагает, что слово маыс образовано от маый "жрать, набивать полон рот+аффикс –С [там же]. Данное слово имеется и в других тюркских языках, например: в алтайском – могус а) "сильный, великан (с негативным оттенком)"; б) "паразит, тунеядец, дармоед"; в) миф. "чудовище"; в тувинском – мангыс а) миф. "мангус, упырь, вампир, чудовище"; б) "обжора"; в) "паразит, дармоед, тунеядец" [17]. В монгольском языке монгус "чудовище-обжора" [П: 1527]. Таким образом, в приведенных примерах из разных языков прослеживается связь, которая выражается в семантическом содержании образа медведя.

Обратимся к другой группе эвфемизмов, описывающей внешний вид медведя: хара "черный" [ОВЭ: 64], хара саыйах "черная доха" [ДСЯЯ: 282], хараа тлээх "темношерстный" [ДСЯЯ: 281]. В основе всех номинаций лежит указание на цвет "черный", который тесно связывается с наличием мохнатой шкуры. К этим эвфемизмам примыкает номинация арбаастаах "имеющий доху" [4], сравним с алтайским антара тон "вывернутая шуба", с тувинским чоорганныг "с одеялом" [17]. Функция табуированной речи порождает характерную особенность эвфемистического словаря – наличие большого количества вариативных номинаций. Человек, создавая имя, кладет в его основу один из основных признаков предмета, который на языковом уровне может реализоваться в нескольких вариантах, например, в основе вторичных номинаций медведя лежит признак "шерстистости" с указанием окраски животного – хараа тлээх "темно-, черношерстный". Данный семантический признак может быть представлен в речи в усеченной форме – хара "черный" или арбаастаах "имеющий доху" – или реализоваться в другом семантическом варианте – хара саыйах "черная доха". Данные эвфемизмы можно представить как словообразовательный ряд, в центре которого находится заменное имя хара саыйах "черная доха". Хара саыйах производит путем усечения эвфемизм хара. Следующая номинация хараа тлээх получается в результате присоединения суффикса –а к основе хара и замены слова саыйах близким по значению тлээх "имеющий шерсть". Наконец, последний эвфемизм арбаастаах образован выкидкой слова хара и заменой синонимичным словом арбаастаах. Деривационные отношения в эвфемистическом словаре усугубляют, расширяют и дополняют семантические и системные связи.

Медведю даны названия и на основе образного описания его фигуры: бкт "сутулый" [15]. Вторичная номина-

ция мэппэр "косолапый" [ОВЭ: 64] удачно описывает походку зверя. Такие субституты, как хардаас "полено, чурка" [4] и талкы "мялка для толченья кож" [П: 2540], видимо, даны медведю из-за тяжести и громоздкости неповоротливого зверя.

Итак, медведь по внешнему виду имеет мохнатую шкуру черного цвета, сутулится, имеет своеобразную походку, производит обманчивое впечатление огромного неповоротливого зверя. Неуклюжесть эта кажущаяся на первый взгляд, так как при необходимости этот зверь может быть очень ловким и подвижным.

Последнюю микросистему образуют вторичные номинации, объединенные по лингвостилистическому признаку: мэппэр "косолапый" [ОВЭ: 64], мппк "мохнатый" [там же], маппыйар "шутливое образное слово" [4]. Все слова кроме называния медведя, или денотата, обладают дополнительной эмоционально-экспрессивной окраской, то есть дают добавочную оценку (коннотацию).

На лингвостилистическом признаке основаны следующие объединения вторичных номинаций медведя:

1) наряду с нейтральными эвфемизмами оонньор "старик", ойрдаааы "лесной", арбаастаах "имеющий доху" употребительны номинации высокого стиля с оттенком торжественности, при этом, как правило, они составные: улуу кыыл "великий зверь" [ДСЯЯ: 259], ойуур тойоно "владыка леса", тыа тойоно "владыка тайги", сир кыыла "зверь земли" [ЯРСТОП: 100, 154, 118]. Сир "земля" при этом понимается в значении масштабном, вселенском, планетарном.

2) противопоставлены первой группе эвфемизмы с шутливой, фамильярно-сниженной окраской: маппыйар "шутливое образное", таптыгыгын "от русского сказочного детского Топтыгин", мэппэр "косолапый", мппк "мохнатый", бкт "сутулый", чыйыдаах "от междометия "чыйый, тыйый" – так пугают обычно детей", хардаас "полено, лесина", эбэккэ "ласкательное от эбэ "бабушка". Семантика всех этих номинаций осложнена и усилена разными видами стилистической, эмоционально-экспрессивной окраски, например, маппыйар – шутливой, хардаас – грубоватой и другими.

Значительную группу среди эвфемистических названий медведя составляют экспрессивно-эмоциональные номинации с ласково-непринужденной окраской. При этом используются ласкательно-уменьшительные формы, которые создаются особыми словообразовательными средствами-суффиксами. Рассмотрим эвфемизмы, производные от двух номинаций ээ "дедушка" и эбэ "бабушка", которые являются словами с положительной семантической оценкой. От мотивирующей основы ээ образуется ласково-непринужденное ээкээн. А с номинацией эбэ образуется целое словообразовательное гнездо, причем все производные слова обладают коннотаци-

ей, ласково-шутливой окраской: эбээх, эбээкий, эбээкэ /эбэкэ/, эбээчэ, эбэм.

Вне системы остаются во-первых, иноязычные слова, что вполне закономерно, а также два эвфемизма – сайыы "летний" [ЯРСТОП: 112] и арахтаах "имеющий берлогу" [ЯРСТОП: 37], которые весьма удачно указывают на особенности образа жизни медведя, отличающие его среди других зверей.

Эвены ведут кочевой образ жизни. Традиционно согласен своим обычаям и обрядам эвены обладают уникальной силой воздействия на образ мысли, поведение, поступки людей. основополагающим является запрет, который представляет собой целый свод правил, предостерегающих от опасности.

По представлениям эвенов Тахтоямска, хозяин земли и леса – это медведь [14]. Иносказательно, в обиходе, медвежий праздник называют старикова (старухина) свадьба. Это связано с легендой о медведе. Однажды девушка провалилась в берлогу медведя. Зимой, чтобы не умереть от голода, она сосала его лапу. Весной медведь показал ей дорогу домой. Вскоре она забеременела и пропала. Нашли ее в пещере, где она родила сначала медвежонка, затем ребенка. Медвежонка, которого звали Накат, стала воспитывать бабушка. Когда вырос, то ушел в лес. Мальчик по имени Торгани тоже вырос, и однажды человек и зверь стали драться. Торгани убил Наката. Умирая, медведь научил людей, как нужно делать медвежий праздник – уркачак.

Так, боласак – это позднеосенняя стоянка стойбищ с целью дать отдохнуть оленям после гона, перед переходом на зимние ягельные пастбища. Конец этого периода некоторые группы эвенов называют уркачак "самопожертвование" медведя, то есть охота на медведя, залегшего в берлогу. Этим открывается настоящий сезон промысла [11].

Название же медведя накат в разговоре упоминать запрещалось. Вместо него, особенно на охоте, применяли специальные названия. Так, охотские и томпонские эвены называли медведя дэбэрэ, быстринские – ллана, момские – ддана, пенжинские – умьльнэ, колымско-омолонские – умл, арманские – каки [14].

По суеверным представлениям эвенов считается опасным называть зверей, на которых охотятся, вместо их названий употребляли другие слова. Например, вместо накат "медведь" говорят амика "батьюшка", амаа "дедушка", ата "бабушка", ялраняндя "черный", хигима "таежник", ата "медведица", кобалан "трескучий", хкэчэн "медведь-шатун", этикэн "старик медведь", куакан "ребеночек (медвежонок)" [14].

Из словаря В.И. Левина 1936 года, в котором были

использованы материалы автора из его сборов в Ольском районе Магаданской области, затем переработанных У.В. Канюковой и М.С. Толстовой в 2006 году, нами выявлены следующие названия медведя: накат хутэн "медвежонок", накат аси "медведица" [5].

В.А. Роббек составил "Эвенско-русский словарь" на основе "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков", лексикографических трудов, собранных во время экспедиций (1974–2002 гг.) в районы расселения эвенов в Магаданской, Камчатской областях, Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия). Так, в данном словаре понятие медведь кроме накат, упоминается слово абаа "дедушка". Абаанилчакар – иносказательно "медвежата". Окат холилэн эмкэр хээлэн абаанилчакар яв-утта тесчимэчиддытэн, дютан далила бичэ бидин. "На берегу реки, на вершине обрыва медвежата что-то друг у друга отбирали, видимо, их берлога находится близко". Ачуркан – тотем. "медведь". Хагра, эди гкил накат, хивалчинь гли ачуркан. " Молчи, не говори накат (медведь), шепотом скажи ачуркан (медведь)". Кяга – "дедушка", накат качиканни – "медвежонок", накат укин – "медведица", мэ-мэкэ, мэ-мэчэ, мэ-мэмэнньде – "медведь", хатнар – "старый медведь" [12].

В "Кратком словаре синонимов эвенского языка" А.А. Бурыкина, составленного на материале языка эвенов Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия), Улахан-Чистайского наслега Момского улуса Республики Саха (Якутия) мы находим следующий синонимический ряд к слову накат "медведь": накат, нугдэ, мэ-мэкэ, мэ-мэчэн, хатимар, хэунь, хэуне ачуркан // амика, абага, ко-балан, умэлэгэ [2].

Так, нами выявлены, более 30 подставных имен к слову "медведь". Все эвфемизмы медведя можно объединить в следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

1. ЛСГ номинаций медведя, являющихся терминами родства: амика "бабушка", амаа "дедушка", абага "тотемическое название медведя", абаа "дедушка", абаанилчакар "иносказательно медвежата", ата "бабушка", кяга "дедушка", куакан "ребенок (медвежонок)", накат укин "медведица", накат качиканни "медвежонок", этикэн "дедушка". Эти подставные названия напрямую связаны с легендами о медведе и с почитаемостью этого зверя.

2. ЛСГ номинаций, указывающих на особые качества животного, его силы и могущества: умьлэнэ "вскакивающий", кобалан "издающий треск".

3. ЛСГ номинаций, характеризующих внешний облик накат "медведя": дэбэрэ "лохматый", кягала "белый медведь", нугдэ "темный силуэт", хатнар "старый", ялраняндя "черный". Здесь разная цветовая семантика названий обусловлена тем, что эвены, которые проживают в тайге, бурого медведя называют темными, а эвены, которые

проживают в тундровой зоне ближе к северно-ледовитому океану кягала "белый медведь".

4. ЛСГ номинаций, связанных с верованиями и суеверным страхом: ачуркан – тотем. "медведь", мэ-мэкэ "страх", мэ-мэчэн "ужасающий", мэ-мэндэ "суеверный страх", хэунь, хэуне "суеверный страх".

5. ЛСГ номинаций, относящихся к разным территориям: ллана – так называют зверя быстринские эвены, дана – так называют момские эвены хкэчэн "медведя-шатуна".

Основную группу среди названий медведя составляют лексемы, которые связаны с родственными значениями. В подставных номинациях используются увеличительные формы, которые создаются особым словообразовательным суффиксом –нде, –ндя. Так, ялраняндя – черный, мэ-мэндэ – суеверный страх, производные слова имеют гиперболизацию.

Таким образом, в традиционных культурах народов северо-востока России наблюдаются общие тенденции в их языковой картине мира (ЯКМ). Особое отношение к слову является отражением древних воззрений этносов на магическую силу вербальных средств. Возвеличивание Слова, придание ему уникальных свойств – отсюда и внешняя немногословность северного человека.

В области речевой коммуникации подобное трепетное суеверное отношение к слову порождает такое явление, как языковое табу (запрет). И постепенно развивается целая система запретов, регулирующих не только речевое общение, но и поведение, и поступки людей. В прошлом система запретов, с одной стороны, и система эвфемизмов (подставных имен), с другой, регламентировали в целом жизнь людей.

Особый интерес с точки зрения семантики, а также местоположения в языковой картине мира рассматриваемых этносов вызывают номинации тотемных животных. Комплекс верований, связанный с почитанием медведя у якутов и у других народов Сибири, рассматривается как культ медведя, "восходящий своими архаическими элементами к древнейшему евразийско-американскому пласту данного культа" [1]. Именно поэтому нами выявлены и проанализированы ЛСГ названий медведя.

Установлены общие черты:

1. Большинство эвфемизмов эвенского и якутского языков с точки зрения семантики, их группировка по ЛСГ совпадает – преобладают наименования медведя терминами родства. В этносах бытуют мифы и легенды о родстве человека и зверя.

2. Близкими являются характеристики зверя по

внешнему облику, а также описание его силы, могучести, возрастные особенности животного.

3. Объединяет материал двух языков и особое суеверное отношение к зверю: страх и почтение, уважение одновременно.

Различительные черты в отношении к слову позволяют выделить уникальную силу воздействия эвенов на образ мыслей, поведение, поступки людей. В якутской духовной культуре подобное явление характерно для отдельных людей, обладающих специфической силой слова и ума, в основном, для шаманов.

Лексико-семантический материал языков, конечно

же, различают лингвостилистические характеристики денотата. Образность коннотативной семантики сохраняет уникальность в каждом конкретном языке. Также отмечается разнообразие местных названий в зависимости от отдельного района проживания эвенов, ведущих кочевой образ жизни, в отличие от оседлых якутов.

Нами впервые предпринята попытка рассмотреть эвфемизмы эвенского и якутского языков в сравнительном плане, что позволяет установить общие и различительные черты в языковой картине мира этносов. В дальнейшем подобные исследования станут основой для изучения материала коренных языков Якутии в этнолингвистическом аспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. 1976.
2. ОВЭ – Образцы вилюйских эвфемизмов / Собр. С.И.Николаевым и Г.Р.Кардашевским. 1961.
3. П – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3-х. 1958–1959.
4. ЯРС – Якутско-русский словарь. 1972.
5. ЯРСТОП – Луковцев А.С. Якутско-русский словарь терминов охоты и рыболовства / В рукоп.вар. 1975.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С.125
2. Бурыйкин А.А. Краткий словарь синонимов эвенского языка. – М.: ИНПО, 2001. С.18
3. Ионов В.М. К вопросу об изучении дохристианских верований якутов. Пг., 1917.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн.изд-во, 1979.
5. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь / Отв. За выпуск У.В. Канюкова. – СПб, Издательство писателей "Дума" – 248с.
6. Николаев С.И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб.статей и материалов по этнографии народов Якутии / Институт языка, лит-ры и истории. Якутск, 1961. Вып.2.
7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-ое изд. Т.1. 1958.– 1280 с., Т. 2,3. 1959. стлб.629–630
8. Петров А.А. Медвежий миф в эвенском фольклоре//Фольклор и этнография народов Севера. – С.–Петербург, 1992.
9. Потапов Л.П. Героический эпос алтайцев//Советская этнография. – 1949.
10. Потапов Л.П. Пережитки культа медведя у алтайских тuroк//Этнограф-исследователь. – Л., 1928.
11. Роббек В.А. Экологические традиции эвенского народа // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. №4 (12) 2010.
12. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь=Эвэды-нючиды торзрук / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2004. – 356с.
13. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
14. Тураев В.А. История и культура эвенов: историко-этнографические очерки. РАН: Дальневосточ-е отд-ние. СПб: Наука, 1997.
15. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г.Базанова. Л.:Наука, 1969.
16. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974.
17. Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: Дисс... канд.фил.наук. – М., 1985.